

Mariia Predeina

V. I. Vernadsky Taurida National University (Kyiv, Ukraine)

Criticism of the Subject by Ludwig Feuerbach: to the Question of Enlightenment

The relevance of the research topic is determined by the incredible interweaving of different theories and motives in our heads. Take postmodernity, it is able to attract both as a fashion (in our country, in any case, it is still in fashion) and as a convenient and almost officially acceptable position for criticizing all kinds of conservatism. By referring to postmodernity, you can allow yourself to talk about everything with irony. However, postmodernity deprives us of some very valuable concepts, first of all, truth. Everything, in the end, turns out to be equally good or equally bad. There is nothing to criticize and there is no need. Then it becomes relevant to neglect fashion. Return to the Enlightenment. However, the Enlightenment is controversial and possibly carries with it postmodernity. The purpose of this article is to study the criticism of the Enlightenment given by Feuerbach, or rather, one of its aspects – the subject, the personality. This subject (personality) is also stumbling block of postmodernity. Gilles Deleuze cannot even say «I». The method of this article is dialectics, love for paradoxes, through which it is possible to establish the border to which «I» is very good, and after which it is not very good. Results. 1. Enlightenment is heterogeneous; if there are no special reservations, then by the subject in the Enlightenment I mean its cold and closed English version, a kind of monad, that (version) will give rise to the philosophy of science. This subject, cut off from nature, is already devoid of truth. 2. The subject of cognition, no matter what anyone thought, does not exist regardless of politics; bourgeois individualism expresses itself in the subject-as-m Monad, -as-atom. 3. Feuerbach's criticism lies in the fact that he complements «I» «You», «I» by the very fact of its existence refers to «You», Nature, Society. 4. The concept of «I», originating, according to Hegel, Feuerbach, Marx, already in the period of late antiquity, was already then a form of deviation from reality; the evaporating concept of «I» in Deleuze's philosophy, in fact, serves the same. For Feuerbach, the «I» referring to You serves as a condition for cognition, and for Marx it serves as a condition for action.

Keywords: *subject, personality, bourgeois, Enlightenment, cognition, action*

Марія Предеїна

Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського (Київ, Україна)

Критика суб'єкта у Людвіга Фейєрбаха: до питання про просвітництво

Актуальність теми дослідження зумовлена неймовірною плутаниною різних теорій і мотивів в наших головах. Ось постмодерн; він приваблює нас до собі і як мода (в нас він досі в моді), і як зручна, тому що майже офіційно ухвалена, позиція для критики різного роду консерватизму. Посилання на постмодерн дають змогу про багато що говорити іронічно. Однак саме через постмодерн ми втрачаємо деякі найважливіші поняття, перед усім, поняття істини. Усе, в решті решт, перетворюється на однаково добре чи однаково погано. Що критикувати і заради чого? Тоді варто знехтувати моду. Повернутися до Просвітництва. Але Просвітництво неоднорідне, і, можливо, несе в собі постмодерн. Метою цієї статті є дослідження критики Просвітництва, яку дає Людвіг Фейєрбах, точніше, одного з її аспектів – суб'єкта, особистості. Цей суб'єкт – і камінь спотикання постмодерну. Жиль Делез навіть не може говорити «Я». Методом цієї статті являється діалектика, любов до парадоксів, через формулювання яких і можна встановити ту межу, до якої Я – це дуже добре, а за якої – вже не дуже. Результати. 1. Просвітництво неоднорідне; і якщо не буде додаткових зауважень, під суб'єктом в Просвітництві я буду розуміти його англійську версію, холодну, завершену, суб'єкта як монаду, від чого і бере початок філософія науки. Цей відчужений від природи суб'єкт вже не шукає істини. 2. Гносеологічний суб'єкт, так чи інакше, не існує безвідносно до політики: саме буржуазний індивідуалізм зумовлює уявлення про суб'єкта як монаду, атом. 3. Здобуток критики Фейєрбаха полягає у тому, що він доповнює Я Ти: в нього Я саме фактом свого існування свідчить про Ти, Природу, Людство. 4. Я (як атом), яке, за Гегелем, Фейєрбахом, Марксом виникає вже в період пізньої античності, свідчить і про виникнення в людей потреби ухилитися від ворожої дійсності, про ту ж саму потребу свідчить, як не дивно, і зникаюче Я у філософії Делеза. Й навпаки: Я, що доповнюється Ти, дозволяє Фейєрбаху стверджувати принципову можливість пізнання, а Марксу займати оптимістичну позицію щодо можливості дії, перетворення дійсності.

Ключові слова: *суб'єкт, особистість, буржуа, Просвітництво, пізнання, діяльність*

Мария Предеина

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Киев, Украина)

Критика субъекта у Людвиг Фейрбаха: к вопросу о просвещении

Актуальность темы исследования определена невероятным переплетением в наших головах разных теорий и мотивов. Возьмём, «постмодерн», он способен привлечь как мода (у нас, во всяком случае, он ещё в моде) и как удобная и едва ли не официально допустимая позиция для критики всякого рода консерватизмов. Через отсылку к «постмодерну» можно позволить себе обо всём рассуждать с иронией. Однако «постмодерн» лишает нас неких весьма ценных понятий, прежде всего, истины. Всё, в конечном счёте, оказывается одинаково хорошим или одинаково плохим. Критиковать нечего и незачем. Тогда становится актуальным пренебречь модой. Вернуться к Просвещению. Однако Просвещение небесспорно и, возможно, несёт в себе всё тот же «постмодерн». Цель настоящей статьи в изучении критики Просвещения, данной Фейрбахом, вернее, одного из её аспектов – субъекта, личности. Этот субъект (личность) и камень преткновения «постмодерна». Жиль Делёз даже не может больше говорить «Я». Методом данной статьи является диалектика (как любовь к парадоксам), через которые и можно установить ту границу, до которой Я – очень хорошо, а после которой – не очень. Результаты. 1. Просвещение неоднородно; если нет особых оговорок, то под субъектом в Просвещении я понимаю его холодный и завершённый английский вариант, довлеющую саму в себе монаду, из которого (варианта) и вырастет философия науки. Этот отгородившийся от природы субъект уже не ищет истины. 2. Субъект познания, кто бы что ни думал, не существует безотносительно к политике; буржуазный индивидуализм выражает себя в субъекте-как-монаде, -как-атоме. 3. Критика у Фейрбаха заключается в том, что он дополняет Я Ты: Я самым фактом своего существования отсылает к Ты, Природе, Обществу. 4. Я (как атом), возводимое Гегелем, Фейрбахом, Марксом к поздней античности, явилось формой уклонения от действительности и действия в ней; растекающееся Я у Делёза по-своему служит тому же. Но Я, отсылающее к Ты, у Фейрбаха делает возможным познание, у Маркса – действие.

Ключеві слова: субъект, личность, буржуа, Просвещение, познание, действие

Введение.

Обыкновенно, чтобы критика субъекта велась против науки, Людвиг Фейрбах ведёт её за науку. Существует своего рода консенсус в истории науки, что субъект (принцип субъекта) является краеугольным камнем в Просвещении, просвещенческой рациональности, науке, и в критике науки, что субъект (принцип субъекта) должен быть подвергнут отрицанию во имя «плюрализма истин» и против присущей науке «репрессивности». Поэтому, с этих точек зрения, защита субъекта есть защита Просвещения.

Просвещение сегодня нуждается в защите, поскольку критика Просвещения, идя по пути «плюрализма истин», лишает нас истины, как регулятивного принципа, без которого невозможно разграничить разумное и неразумное, научное и ненаучное и даже, хоть и звучит «репрессивно», прогрессивное и реакционное. Парадокс критики Просвещения в том, что, будучи предпринятой ради демократии (или как бы ради неё), она лишает нас критерия разграничения демократического и недемократического.

Обзор источников может быть дан ближе к философии научной либо к философии политической. Трудность этого обзора заключается во временном разрыве между появлением текста и его переводом. Новым или старым текстом считать «Либидинальную экономику» Жана-Франсуа Лиотара, написанную

в 1974-ом и переведённую на русский в 2018-ом? Пожалуй, текстом, который, с точки зрения его издателей, то есть Института Гайдара, зачем-то ещё нужен, нужен как подрывной жест в длящейся серии таких жестов, подрывной в отношении субъекта, истины, права на действие. Ещё один небольшой взрыв в длящемся фейерверке. Истина приобретала (и приобретает) у Лиотара что-то от скандала, превращаясь в навязчивую идею сексуально нечистоплотного субъекта. (В пренебрежительно-настороженном, оскорбительном значении этого слова: «у подъезда слонялся какой-то субъект...».) «Дабы член вставал лишь от любви, дабы глагол вставал только по истине!» (Лиотар, 2018, с. 432). Лиотар ждал плевка в лицо от своих левых друзей, а в России книжка вышла со значком «18+». (Вполне оправдано.) Провокация (в нашем переводном пространстве) наслаивается на провокацию. «Щекотливый субъект» Славоя Жижека (2014) на тридцать с лишним лет отстоит от Лиотара и опережает его в переводе. Жижек требует возвращения Субъекта, Политического, События и Действия. Он совершает подрывной жест в отношении «плюрализма истин», демократии «чтобы поболтать». Провокация из прошлого совпадает с провокацией из настоящего. Это могло бы послужить иллюстрацией к путанным мыслительным экспериментам с часами из физики Эйнштейна.

Как и сосуществование переводного и неперевода пространства. Если в первом интерес к реконструкции субъекта (истины, действия) может найти опору (или хотя бы алиби) в провокационной игре Жижека, то во втором круге, образуемом вокруг «Ильенковских чтений», два пространства можно бы было назвать сообщающимися через фигуры Гегеля (и Маркса), если бы не различие функций этими фигурами выполняемых. В круге «Ильенковских чтений» Гегель и Маркс сохраняют научное значение. Следует назвать монографии О. Ф. Иващук «Я как понятийная форма» (2014), Г. В. Лобастова «Идеальное. Образ. Знак» (2017). Или (почему нет?) монографию автора настоящей статьи «Почему я вернулась к Марксу? Антиномии самоотчуждённой деятельности» (2019). (Последняя монография выполнена не без «постмодерных» ноток, но с тенденцией к их изживанию.) Из малых форм следует назвать статью С. Н. Мареева «Генезис философской системы Гегеля» (2021). Гегель, именно он занимает центральное место. Но по заслугам ли забыт Фейербах? (Как известно, в философском генезисе Маркса принял участие и он.)

Цели и задачи настоящей статьи в большом (в т. ч. переводном) пространстве проистекают из намерения вписать скандал «постмодерна» в историю философии, показать этот скандал как результат разбухания некоторых черт, присущих уже Просвещению. Сделать это – значит, подвергнуть критике самое Просвещение. Показать его ограниченность. В малом пространстве, где науке отдают предпочтение, а истина выступает как регулятивный принцип и цель познания, из намерения выявить, реконструировать вклад Фейербаха в критику Просвещения. С течением времени Фейербах попал словно в «слепое пятно», в котором он отнюдь не находился для взгляда Маркса. Именно поэтому предметом настоящей статьи является критика Просвещения, данная Фейербахом, точнее, один из её аспектов – критика субъекта (личности).

Методом настоящей статьи является диалектика, особый интерес представляют нередко обнаруживаемые через парадоксы границы и переходы от той определённости, в которой субъект и личность должны быть взяты под защиту, к той, где они же уже могут и должны быть подвергнуты критике – уже не как условие, а как помеха действию, познанию, истине, даже самим себе.

Результаты.

Парадокс нововременной рациональности. О субъекте. Условимся, что принцип субъекта уже завоёван нами и посмотрим, в каких границах его надлежит применять. Просвещение знает

скандал гипертрофии субъекта – философию Беркли (ту часть, где без бога, т. е. солипсизм). Философия Беркли не является случайной, она должна была появиться, на неё был запрос, что подтверждается хотя бы тем, что и сегодня она составляет неприличную тайну всей философии науки, позитивизма в его вариациях. Бертран Рассел как философ не имеет что возразить Беркли, по сути, согласен с ним и запутывает читателя вопросами: «чем индукции вдумчивого учёного отличаются от индукций суеверного игрока в Монте-Карло?» (Рассел, 2000, с. 272). Если из паутины таких вопросов и удаётся выпутаться, то только ценой перехода на точку зрения здравого смысла. Философия служит Бертрану Расселу, чтобы запутаться, здравый смысл, чтобы распутаться. Спорная полезность философии!

Рассел рассказывает анекдот: «Я однажды получил письмо от знаменитого логика, миссис Кристины Лэдд Франклин, в котором она писала, что она солипсист и удивляется тому, что нет других солипсистов» (Рассел, 2000, с. 163). Рассел удивлён самим фактом такого письма (зачем солипсисту писать письма?), но не как философ, а как человек, наделённый здравым смыслом. Перед нами вопрос, может ли философия что-то возразить Беркли? Это важно; во-1-ых, философия не должна искать прибежища у здравого смысла, напротив, её задача этот здравый смысл критиковать, прояснять, во-2-ых, что, если отсылка к здравому смыслу однажды перестанет звучать убедительно? Философия науки скрывает то, что ей нечего сказать против «плюрализма истин», у неё самой нет «истины», она избегает скандала ценой взаимного уговора держаться здравого смысла. (Этот уговор нарушает Пол Фейерабенд.)

Проблема в субъекте, вернее, в определении субъекта как индивида. Немецкая классическая философия, возможно, потому что Германия отставала в буржуазном развитии, буржуазном индивидуализме, намечает другую линию в определении субъекта. Очень удачно это выражает Людвиг Фейербах, которому Карл Маркс обязан своим человеком как родовым существом: «... но первым камнем преткновения, о который разбивается гордость личности, является «ты», другое «Я». <...> Другой человек является связующим звеном между мною и миром. Я завишу от мира и сознаю эту зависимость, ибо сперва я чувствую свою зависимость от другого человека. <...> Я примиряюсь, я сближаюсь с миром только посредством другого человека. Без другого лица мир казался бы мне не только мёртвым и пустым, но и бессмысленным и неразумным. Человек уясняет и познаёт себя только благодаря другому; а для того, чтобы

понимать мир, я должен понимать самого себя. Человек, существующий исключительно ради себя, бессознательно и безразлично потерялся бы в океане природы; он не понимал бы ни себя как человека, ни природы как таковой» (Фейербах, 1955, с. 114). У Фейербаха другой генезис субъекта: именно потому, что человек не может стать познающим человеком вне связи с другим, вопрос «а существует ли другой?» лишён смысла; из несомненного я мыслю следует, прежде всего, ты – в отношении, к которому стало возможным моё мышление, я мыслю скрывает ты как свою предпосылку.

Я и Ты Фейербаха заставляют вспомнить знаменитых Марксовых Петра и Павла из примечания в 1-ой главе «Капитала»: «Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Пётр начинает относиться к самому себе как к человеку» (Маркс, 1960, с. 62). Раз есть Пётр, мыслящий сам себя, значит был Павел; Пётр, мыслящий своё я, свидетельствует о Павле.

Несомненное я мыслю у Фейербаха скрывает природу: поскольку я не мыслит без тела, а тело не живёт без природы. Я мыслю свидетельствует о природе, указывает на неё. Я мыслю, как родовое и природное существо. С известной точки зрения, из я мыслю Декарта можно вывести гораздо больше, чем выводит Декарт. У истоков нововременной рациональности стоят Декарт (1953) и Спиноза (1957); у Декарта мыслит я и свидетельствует тем самым только о себе, своём индивидуальном существовании, рядом стоят сомнение и здравый смысл, у Спинозы мыслит природа, обращённая в мыслительном акте на самое себя, она свидетельствует о себе, но то, о чём она свидетельствует, больше индивидуального я, через я мыслит природа, род, уточнил бы Фейербах, отсюда принцип тождества бытия и мышления и познание истины. «Порядок и связь идей те же, – пишет Спиноза, – что порядок и связь вещей» (Спиноза, 1957, с. 407). Тот принцип тождества, который мы найдём и у Фридриха Энгельса (Энгельс, 1961, с. 34-35). (Ни Спиноза, ни Энгельс не отрицают возможности ошибки и сомнения в конкретном результате познания, но они признают принципиальное соответствие познания тому, что познаётся, их подход допускает познание истины, требует его.)

Парадокс нововременной истории. О личности. Парадокс философии науки (философии позитивизма) заключается в том, что, говоря о науке, занимая точку зрения науки, философия науки отрицает, выносит за скобки как недостоверное (проблематичное) то, без чего не может быть никакой науки – положительное утверждение существования природы и её

познаваемости. Этот парадокс существует, хоть и кажется иногда, что отрицания и сомнения звучат не всерьёз: разве миссис Кристина Лэдд Франклин, написав мистеру Бертрану Расселу, не подтвердила, вопреки своей воле, не только здравый смысл, но и философию Людвига Фейербаха, всё это: мышление – общественная сила, для мышления нужны двое и т. д.? Выбор философии науки сделан не наобум, раньше его объясняли через определение «буржуазный». Ругательство, но и указание на связь между буржуазным индивидуализмом (личностным принципом) и определением субъекта как индивида. – Буржуазный. Нововременной. Кое-где научная рациональность. Кое-где буржуазный способ производства. История науки обыкновенно увязывает генезис науки с генезисом личности (личностным принципом), сопряжённо возвестивших (в области идей) о приходе Нового времени.

У Фейербаха ожидаемо другая точка зрения.

В немецкой философской традиции, представленной Людвигом Фейербахом, молодым Гегелем, молодым Марксом, к личности критическое отношение, все трое понимают личность как продукт распада античного, полисного или республиканского, общества. Из всех троих только Фейербах опубликовал свои соображения на этот счёт при жизни – «Сущность христианства», 1841. «Позитивность христианской религии» (1795 – 1796) Гегеля и «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1839 – 1841) Маркса были опубликованы в 1907-ом и 1902-ом соответственно.

Для Фейербаха личностный принцип не совместим с наукой: учёный любит природу, а личность – себя; учёный, посвящающий жизнь изучению гусеницы, не может питать и не питает к ней презрения, гусеница для него часть природы, как и он сам, а личность притязует на исключительное место в природе, исключает себя из природы, противопоставляет себя ей; для учёного природа – всё, для личности – ничто. Личность – христианский принцип, нашедший выражение и закрепление в личностном боге христиан, наука – языческое (греческое) детище. Если среди христиан бывают учёные – значит, среди христиан бывают плохие христиане; если в последнее время среди христиан стало много учёных – значит, стало мало христиан. (Вспомните, какое значение античность имела для Возрождения или сколь усердно Мишель Монтень (1998) собирал факты, вернее, побасенки, но из античных авторов о сообразительности и чувствах животных.)

Учёному нужен мир, личности довольно

себя.

«В глубине души ты желаешь, чтоб не было мира, – реконструирует умонастроение первых христиан, допустивших творение мира из ничего, Фейербах, – ведь где мир, там материя, а где материя, там утеснение и гнёт, пространство и время, ограничение и необходимость» (Фейербах, 1955, с. 141). – Утеснение и гнёт. Если христиане жаждали конца мира, то потому, что он стал для них утеснением и гнётом. Фейербах, как правило, возлагает на христиан больше ответственности, чем они могли бы вынести, обыкновенно допуская, что христиане могли бы, если б пожелали оставаться радостными греками тогда, когда это было уже невозможно. Молодой Гегель, паче ожиданий, исправляет эту несправедливость, сосредотачивая внимание на тех социальных изменениях, которые принудили грека обнаружить, открыть себя как личность (христианина) вне общественных, полисных связей. Грек стал мрачен, потому что его мир перестал ему улыбаться. Молодой Маркс дополняет это исследование эллинистической философией. Христианство было плебейской формой уклонения от мира, обращения мира в ничто, а эллинистическая философия решала ту же задачу для образованных.

«Так, целью деятельности является абстрагирование, уклонение от боли и смятения, атараксия. – Перечисляет молодой Маркс постулаты эпикурейской философии после того, как основательно раскрыл уклонение эпикурейского атома от прямой. – Так, добро есть бегство от зла, а наслаждение есть уклонение от страдания. Наконец, там, где абстрактная единичность выступает в своей высшей свободе и самостоятельности, в своей завершенности, там – вполне последовательно – то наличное бытие, от которого она уклоняется, есть наличное бытие в его совокупности; и поэтому боги избегают мира, не заботятся о нём и живут вне его» (Маркс, 1956, с. 43). Абстрактная единичность – атом – личность. В последующих своих работах Маркс продолжит уподоблять личность атому и поймёт права человека и гражданина, провозглашённые Французской революцией, как право атома (личности) уклоняться от прямой.

Личность – как продукт распада; цель личности уклонение. Прочертить линию уклонения, если вспомнить любимое Делёзовское словосочетание. «Постмодерн» в античности.

Для всех троих буржуазное общество по преимуществу – французское, даже Маркс ещё живёт в родной Пруссии и не был в Англии, все трое видят трагедию Французской революции в том, что личность с её «инстинктом» хищника подчинила себе Общество, Общее дело,

Республику.

Ограниченность Просвещения. Стало быть, ограниченность Просвещения в том, что, борясь с христианством, оно рубило вершки, но оставляло корешки, не заметило христианских рогов и копыт у личности. Продолжу. Философия науки остаётся христианской; даже если мистер Рассел нехристианин, он продолжает исповедовать как философ христианский постулат о ничтожестве мира. Как философ я мог бы предположить, что мир начал существовать пять секунд назад, или что я сам начал существовать пять секунд назад, или и т. д. (Рассел, 2000, с. 190). Наука захвачена миром, а субъект философии науки из мира исключается, не знает мира и живёт вне него.

Парадокс, что там, где речь идёт о чём-то расплывающемся, растекающемся, аморфном, о варварском противопоставлении мужских гениталий женским с предпочтением женских, субъект нуждается в защите. Необходимо известное отличие себя от познаваемого предмета, о чём довольно сказано и Марксом, и Фейербахом. Вопрос в забавной метаморфозе, когда абсолютизация субъекта оборачивается его испарением, постпозитивизм совпадает с «постмодерном», и оба они расписываются в беспомощности перед миром.

Парадокс в том, что, если мы исключаем Маркса и Фейербаха, французское Просвещение остаётся высшей точкой в развитии нашей рациональности, хоть и потому только, что включает в себя две неопределившиеся тенденции. Гражданин в глазах Робеспьера – отнюдь не буржуазный индивидуалист, уклоняющийся от общего дела; субъект в глазах Дидро – отнюдь не безголовая берклианская абстракция, уклоняющаяся от природы.

Механицизм, обращение природы в бездушный механизм, в однажды заведённые механиком часы, как показывает Фейербах – христианский принцип, греку с его любованием, любовным созерцанием природы не пришла бы в голову такая метафора. (Стало быть, не всякая наука могла быть создана греком?) Если Фейербах прав, то, кто дальше Дидро (1986) ушёл от христианства и механицизма? Его мир живой, судорожный, в муках рождающийся из хаоса, без всяких гарантий упорядоченности и разумных целей, скорее, первичный бульон, чем часы. Дидро ближе к Спинозе, и его субъект отсылает к природе, свидетельствует о ней, он – живое маленькое фортепиано, по клавишам которого ударяет природа и по которым он сам часто себя ударяет. Пляшущие живые маленькие фортепьяно, самцы, самки, их детёныши. Фантазмагория из разговоров с д'Аламбером.

О деятельности. Защита субъекта – это защита деятельности. В отсылках к женскому не было бы ничего плохого, не будь женщина в

этих отсылок источающей ароматы лежащей одалиской. Против этого нужно сохранить ограниченность и организованность. Действует субъект. Но один субъект не действует.

У Фейербаха появляется столь полюбившаяся Марксу самоцельная деятельность, деятельность, имеющая цель в самой себе. «Но в чём же заключается сущность человека, сознаваемая им? Каковы отличительные признаки истинно человеческого в человеке? Разум, воля и сердце. <...> В воле, мышлении и чувстве заключается высшая, абсолютная сущность человека, как такового, и цель его существования. Человек существует, чтобы познавать, любить и хотеть. Но какова цель разума? – Разум. – Любви? – Любовь. Воли? – Свобода воли. Мы познаём, чтобы познавать, любим, чтобы любить, хотим, чтобы хотеть, то есть быть свободными. Подлинное существо есть существо мыслящее, любящее, наделённое волей. Истинно совершенно, божественно только то, что существует ради себя самого. Таковы любовь, разум, воля» (Фейербах, 1955, с. 31-32). Ради себя самого не должно ввести нас в обман, все эти силы родовые и не могут быть проявлены вне рода или вперекор ему. Огонь остроумия, озорство в глазах не зажигается без другого взгляда. «Своим существованием он (человек – М. П.) обязан природе, а тем, что он человек, – человеку» (Фейербах, 1955, с. 115). Ради себя самого выдаёт Фейербаха как немца-энтузиаста вперекор немцу-филистеру. Ради себя самого следует подчеркнуть потому, что ради себя самого больше не происходит: между нами и нашей деятельностью давно вклинилось нечто чуждое и нам, и деятельности – филистерский расчёт, деньги. Я познаю за зарплату, женюсь за приданое, и когда надо, меняю взгляды и невест. Как скажет в одной из своих юношеских работ Маркс: поэт – не тот, кто пишет стихи, а тот, кто продаёт их. («... от моей способности писать стихи требуют, чтобы я был способен превращать эти стихи в деньги. От моей способности требуют нечто такое, что вовсе не есть специфический продукт данной особенной способности» (Маркс, & Энгельс, 1955, с. 407-408).)

Проституирование учёного, проституирование жениха, проституирование любого притягивает взгляды молодого Маркса потому, что в этом проституировании он усматривает оскорбление человека.

Единственный не может не только породить эти родовые силы из себя, но – поскольку они уже отчуждены – присвоить их обратно. Маркс полемизирует против Фейербаха в том, что не только Разум, Любовь, Свобода

рождаются как родовые силы, но и их обратное присвоение не может быть осуществлено через индивидуальный познавательный акт, напр., через чтение «Сущности христианства». Единственный обречён прочерчивать линии уклонения, как эпикуреец или «постмодернист»; изменения требуют коллективного субъекта. Не прочерчивать линии уклонения, а прочертить линию изменения. Ограниченность субъекта как индивида.

О практике как критерии истины. Увязка познавательной и политической частей. Изменение, заявленное Марксом, как задача требовало пересмотра отношения к истине и практике, увязки их. Для Фейербаха истина есть нечто созерцательное, он отвергает практику как грубое вторжение своекорыстного мира, эгоистического мира новых неэллинических времён. Но тогда его позиция – позиция уклонения? Созерцание в саду Эпикура? Маркс увязывает задачу изменения мира, истину и действие. Уточнение Марксом фейербахианского субъекта как родового существа, выражение родового в особенном, то есть в рабочем, выходит за пределы предмета данной статьи. Оставаясь в поле общедемократического, отмечу: если «постмодерн», находясь в ситуации заявленной демократии, не имеет никакого другого принципа, кроме уклонения («плюрализм истин» как уклонение от оценки и действия), то не есть ли эта «демократия» утеснение и гнёт? Утеснение и гнёт – слова из цитаты об эллинистических временах. (Довольно забавно искать соответствия между аморфностью «постмодерна» (эллинизма), с одной стороны, и ростом фундаментализма, с другой, тогда и сейчас.)

Лирическое отступление перед концом. Минувшим летом, перечитывая «Отцов и детей», мой взгляд наткнулся на диалог, придавший неожиданный поворот вопросу личности. «Личность, милостивый государь, – говорил Павел Петрович Базарову, – вот главное; человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней всё строится. <...>». – «Позвольте, Павел Петрович, вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для *bien public* (общественного блага)? Вы бы не уважали себя и то же бы делали» (Тургенев, 1971, с. 503).

Павел Петрович уважает себя, а «постмодернист» в духе «Тысяча плато» (Делёз, & Гваттари, 2010) уже как будто не очень, а разница, пожалуй, внешняя. Принцип личности теряет бесспорный аргумент в свою пользу «там, где личность – там действие», эту основу основ американской, простите, мифологии.

«Нужно уметь отдаваться», – говорит Базаров

Одинцовой, другой завершённой личности, чьё описание у Тургенева заставляет вспомнить гладкий и уклоняющийся эпикурейский атом. Имеется в виду: для действия.

Выводы.

Как любил говорить Гегель, истина всегда конкретна. Одно дело, когда Базаров адресует к Павлу Петровичу или Одинцовой: «Нужно уметь отделиться». И другое, когда Чеховская Душечка отдаётся. Другими словами, субъект необходим, но не в качестве фетиша. Мы видели, как фетишизация субъекта обращала в ничто мир, хоть и в философии науки, а саму науку – в странную игру теней, хоть и не в пещере Платона. Делёз и Гваттари правы, когда чувствуют ограниченность своих Я (Делёз, & Гваттари, 2010, с. 6). И не правы, когда заменяют их (эти Я) чем-то, столь же изменчивым и податливым, как Чеховская Душечка. Через эти что-то проходят социальные, сексуальные и пр. потоки, и через Душечку проходят. Из того, что Я не есть Единственное, не следует, что оно не есть, что его нет. Из того, что это Я изменчиво, не следует, что оно лишено устойчивости.

Просвещение, если и не открыло Я (субъект, личностный принцип), то, во всяком случае, секуляризировало его. Сделав это, оно подошло к своим границам, что отнюдь не беда. Беда в том, что ни философия науки (иллюстрируемая в настоящем тексте Бертраном Расселом), ни «постмодерн» за эти границы не

вышли. Шаг за эти границы был предпринят немецкой классической философией, которая, кстати, предпочитала понимать себя как наука (Wissenschaft). Хватит любить знание, пора познавать, знать.

Но то, что было сделано немцами, словно и не было замечено. (Почему бы не похвалить нашу традицию, ознакомившуюся с вкладом немцев через Маркса?)

Фейербах – очень важный и интересный этап в развитии философской мысли от Гегеля до Маркса; ему удалось развернуть критику субъекта как единичности и личности с неожиданной точки зрения, дать понятие человека как родового существа. Фейербах, читаемый вкуче с Марксом, или: Маркс, читаемый вкуче с Фейербахом, обнаруживают недостаточность субъекта как единичности и личности для действия. Для действия у Фейербаха, скорее, потенциально или для действия, понятого как познание, наука; у Маркса – актуально и для практики, то есть политики.

Развёрнутая в настоящей статье критика субъекта (личности), по сути, не против, а за Просвещение (субъект, личность), она является развитием Просвещения в той мере, в какой целью Просвещения (субъекта, личности) является действие.

Личность (субъект) не бесспорный принцип. Всё дело в том, с какой точки зрения критиковать его.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2-х томах. Т. 1. Позитивность христианской религии / Г. В. Ф. Гегель. Москва : Мысль, 1970. С. 87–207.

Декарт Р. Рассуждение о методе. Рассуждение о методе. С приложениями Диоптрика, Метеоры, Геометрия / Р. Декарт. Москва : Издательство академии наук СССР, 1953. С. 9–66.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; Москва: У-Фактория; Астрель, 2010. 895 с.

Дидро Д. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Разговор д'Аламбера и Дидро; Сон д'Аламбера; Продолжение разговора / Д. Дидро. Москва : Мысль, 1986. С. 379–443.

Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. Москва : Издательский дом «Дело»; РАНХиГС, 2014. 528 с.

Ивашук О. Ф. «Я» как понятийная форма. Москва : Директ-Медиа, 2014. 257 с.

Лиотар Ж.-Ф. Либицинальная экономика. Москва; Санкт-Петербург : Изд-во института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.

Лобастов Г. В. Идеальное. Образ. Знак. Москва : Русская панорама, 2017. 232 с.

Мареев С. Н., Барсуков И. С. Генезис философской системы Гегеля. Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Том 46, № 1. С.12–21.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. 23 т. Т. 1. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с.

Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва : Госполитиздат, 1956. С. 17-98.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-ое изд. Т. 3. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7-544.

Монтень М. Апология Раймунда Сабундского. Опыты. Книга II. / М. Монтень. Санкт-Петербург : Кристалл; Респекс, 1998. С. 513-725.

Предеина М. Ю. Почему я вернулась к Марксу: Антиномии самоотчуждённой деятельности. Москва : ЛЕНАНД (Издательство URSS), 2019. 240 с. (Размышляя о марксизме. № 164).

Рассел Б. Человеческое познание: его сферы и граница. Москва : Terra–Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.

Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. Этика / Б. Спиноза. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 359-618.

Тургенев И. Отцы и дети. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети / И. Тургенев. Москва : Художественная литература, 1971. С. 465-636.

Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2-х т. Т. 2. Сущность христианства / Л. Фейербах. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7-405.

Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения, 2-ое изд. в 50-ти т. Т. 20. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 5–338.

REFERENCES

- Dekart, R. (1953). Rassuzhdenie o metode [Reasoning about the method]. In R. Dekart. Rassuzhdenie o metode. S prilozhenijami Dioptrika, Meteory, Geometrija (S. 9–66). Moskva: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.
- Deljoz, Zh., & Gvattari, F. (2010). Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg; Moskva: U-Faktoriya; Astrel'.
- Didro, D. (1986). Razgovor D'Alamberta i Didro; Son d'Alamberta; Prodolzhenie razgovora [Conversation between D'Alembert and Diderot; D'Alembert's dream; Continuing the conversation]. In D. Didro. Sochinenija: v 2-h t. (S. 379-443). Moskva: Mysl'.
- Fejrbah, L. (1955). Sushhnost' hristianstva [The essence of Christianity] (T. 2). In L. Fejrbah. Izbrannye filosofskie proizvedenija: v 2-h t. (S. 7-405). Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Gegel', G. V. F. (1970). Pozitivnost' khristianskoy religii [Positiveness of the Christian Religion] (T. 1). In G. V. F. Gegel'. Raboty raznykh let: v 2-kh tomakh (S. 87–207). Moskva : Mysl'.
- Ivashhuk, O. F. (2014). «Ja» kak ponjatijnaja forma ["I" as a conceptual form]. Moskva: Direkt-Media.
- Jengel's, F. (1961). Anti-Djuring [Anti-Dühring] (T. 20). In K. Marks, & F. Jengel's. Sochinenija, 2-oe izd. (S. 5–338). Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Liotar, Zh.-F. (2018). Libidinal'naja jekonomika [Libidinal economics]. Moskva; Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU.
- Lobastov, G. V. (2017). Ideal'noe. Obraz. Znak [Ideal. Image. Sign]. Moskva: Russkaja panorama.
- Mareev, S. N., & Barsukov I. S. (2021). Genezis filosofskoj sistemy Gegelja [Genesis of Hegel's philosophical system]. Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo, 46(1), 12-21.
- Marks, K. (1956). Razlichie mezhdru naturfilosofiej Demokrita i naturfilosofiej Jepikura [Difference between natural philosophy of Democritus and natural philosophy of Epicurus]. In K. Marks, F. Jengel's. Iz rannih proizvedenij (S. 17-98). Moskva: Gospolitizdat.
- Marks, K. (1960). Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii [Capital. Criticism of Political Economy] (T. 1). In K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija, 2-e izd. 23 t. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Marks, K., & Jengel's, F. (1955). Nemeckaja ideologija [German ideology] (T. 3.). In K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija, 2-oe izd. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Monten', M. (1998). Apologija Rajmunda Sabundskogo [Apology of Raymund Sabunda] (Kniga II). In M. Monten'. Opyty (S. 513-725). Sankt-Peterburg: Kristall; Respeks.
- Predeina, M. Ju. (2019). Pochemu ja vernulas' k Marksu: Antinomii samootchuzhdennoj dejatel'nosti [Why I returned to Marx: Antinomies of Self-alienated Activeity]. Moskva: LENAND (Izdatel'stvo URSS).
- Rassel, B. (2000). Chelovecheskoe poznanie: ego sfery i granica [Human Knowledge. Its Scope and Limits]. Moskva: Terra–Knizhnyj klub; Respublika.
- Spinoza, B. (1957). Jetika [Ethics] (T. 1). In B. Spinoza. Izbrannye proizvedenija: v 2-h t. (S. 359-618). Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Turgenev, I. (1971). Otcy i deti [Fathers and children]. In I. Turgenev. Zapiski okhotnika. Nakanune. Ottsy i deti (S. 465-636). Moskva: Hudozhestvennaja literatura.
- Zhizhek, S. (2014). Shechekotlivyy sub"yekt: otсутstvuyushchij tsentr politicheskoy ontologii [A ticklish subject: the absent center of political ontology]. Moskva: Izdatel'skij dom «Delo»; RANHiGS.

Predeina Mariia

Ph.D., Senior Lecture, <https://orcid.org/0000-0001-9073-9607>, m.y.predeina@gmail.com

Стаття надійшла / Article arrived: 29.09.2021

Схвалено до друку / Accepted: 29.10.2021